

УДК 9(с)17(с17)

**ВЛАСТЬ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ «ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИФЕРИИ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА)**

© 2011 С.В. Любичанковский

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 03.10.2010

В статье комплексная научная проблема определения места и роли Власти в генезисе гражданского общества в дореволюционной России впервые рассматривается в контексте особенностей функционирования имперских регионально-ориентированных управленческих систем и увязывается с социокультурными особенностями «внутренней периферии» Российской империи. Обосновано внимание к Оренбургскому краю 1851-1905 гг. для проведения такого исследования. Сделан вывод о том, что реализация предлагаемого проекта является необходимым элементом в создании интегральной картины генезиса гражданского общества в дореволюционной России.

Ключевые слова: региональное управление, гражданское общество, внутренняя периферия, империя.

Генеральной задачей настоящей статьи является обоснование научной необходимости учета имперского статуса регионов Российской империи при изучении эволюции отечественного социума. Конкретная научная проблема, на которой сосредоточено наше внимание, заключается в определении места и роли Власти в генезисе¹ гражданского общества на территории «внутренней периферии» Российской империи.

За последние десятилетия практически все стороны жизни Российской империи подверглись углубленному изучению отечественными и зарубежными учеными, одновременно явившись, как образно выразились Д. Симс и Э. Джадж, «оспариваемым ландшафтом»². Однако ряд проблем остался еще в стороне, в том числе роль местной бюрократии в разворачивающихся модернизационных процессах середины XIX-начала XX в. Необходимость исследования данной проблемы диктуется, во-первых, объективными условиями развития исторической науки в контексте развития целого ряда научных направлений, то есть академической актуальностью; во-вторых, общественно-политической актуальностью проблематики.

Действительно, долгое время в отечественной науке проблема формирования гражданского общества в дореволюционной России вообще не рассматривалась. Однако в последние двадцать лет в условиях установившегося методологического плюрализма и широкого диалога с зарубежными исследователями названная проблема вышла на передний план исторической науки. В начале 1990-х гг. на страницах российского

академического издания было заявлено, во-первых, о методологической необходимости «обратиться к историческим корням» гражданского общества в России и, во-вторых, о «самостоятельном значении (дореволюционного) русского опыта» для понимания феномена гражданского общества как явления³. В рамках этого подхода интенсивно стали развиваться самостоятельные научные направления «социальная история» и «история российской модернизации», а также ряд смежных научных направлений.

Ключевым вопросом в процессе исследования гражданского общества в конкретно-историческом плане сегодня является вопрос о его взаимоотношении с государством. В ответе на него в науке отсутствует консенсус. Можно выделить два направления в изучении данной проблематики.

Первое находится под влиянием работ Юргена Хабермаса, который доказывал, что общественная сфера возникает при абсолютизме, но в условиях рыночного капитализма, когда происходит формирование буржуазии, новых форм городской социальности и книжной культуры. «Институциональное ядро» гражданского общества составляется добровольными союзами, находящимися вне государства и экономики, оно действует как противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале, и дает возможность гражданам управлять самостоятельно.

Второе направление (Ван дер Лоо) выдвигает тезис о двойственности отношений между гражданским обществом и государством и ставит под вопрос «атакующую позицию общества по отношению к абсолютизму». Его приверженцы настаивают на том, что и на европейском континенте, и в Китае монархи поощряли, а часто и целенаправленно создавали гражданское обще-

*Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: slubich@yandex.ru*

ство с целью опеки и покровительства научной, благотворительной и культурной деятельности, способствующей национальному прогрессу и демонстрирующей «просвещенность» правителей. Согласно этой точке зрения даже «записные либералы» не желали конфликта с государством и стремились не столько к самостоятельности, сколько к сотрудничеству.

Только конкретно-историческое изучение данной проблемы способно дать понимание того, способствовало ли государство развитию «гражданственности» или препятствовало; какова была степень единства государственных структур при выработке отношения к общественным и частным инициативам; насколько лояльны государству были возникающие общественные структуры; насколько оправдано описание взаимоотношений государства и складывавшихся институтов гражданского общества в бинарных оппозициях «патронаж – самодеятельность», «принуждение – свобода»; имело ли место «формирование государства» гражданским обществом в соответствии со своими ценностями и интересами?

Без нахождения аргументированных ответов на весь этот комплекс вопросов невозможно адекватно оценить эволюционный потенциал и реальные перспективы развития российского общества и государства в предреволюционную эпоху. Это делает проблему определения места и роли Власти в генезисе отечественного гражданского общества принципиально важной и объективно заставляет специалистов в области истории гражданского общества теснее «сомкнуться» с историками российской государственности.

Последние на современном этапе развития науки привнесли в изучение своей проблематики ряд важных новаций. Так, сам феномен Империи понимается теперь специалистами в области изучения власти как эластичная и вариативная система управления различиями в культурно-гетерогенном обществе (А.В. Ремнев). Историки российской государственности (в рамках научных направлений «историческая регионалистика», «новая имперская история», а также направления по изучению эффективности местного управления Российской империи) к концу XX века пришли к пониманию необходимости дифференцированного изучения Власти – через призму регионов империи (Б.В. Ананьич, Л.Е. Горизонтов, А.В. Ремнев, С. Беккер, К. Маццато, Д. Бурбанк, Д.В. Васильев, И.К. Загидуллин и др.). При этом ученые достигли консенсуса о том, что Российская империя была не простым конгломератом регионов, а сложной системой, включавшей в качестве элементов разнорядковые, с асимметричным статусом территории и народы, имеющие различные социаль-

но-экономические, политические и социокультурные характеристики. Признание этого обстоятельства потребовало изменения ракурса исторического исследования. Конкретно-историческое изучение региональной структуры Российской империи позволило современной историографии сделать вывод о том, что она состояла не из двух (центр – окраины, или в другой парадигме: метрополия – колонии), а из трех элементов, существенно отличавшихся друг от друга управленческой спецификой – центр («внутренние губернии»), окраины (пограничные территории, как правило, национальные окраины) и т.н. «внутренняя периферия» (лежавшая внутри освоенной территории). Последняя являлась переходной формой, которая постепенно (в этом была долгосрочная имперская программа) теряла свою окраинность (за счет управленческого и экономического освоения, введения общеимперских институтов, развития сети коммуникаций, русской колонизации), но при всем этом сохраняла особые региональные качества пространства и идентичности. Сегодня среди историков российской государственности общепризнано, что каждый из трех типов российских регионов обладал серьезной управленческой спецификой и спецификой властеотношений, накладывавшей свой отпечаток на разворачивание всех модернизационных процессов, в том числе и процесса формирования и развития гражданского общества.

Итак, с одной стороны, специалисты в области истории российского общества пришли к необходимости глубоко проанализировать роль и место Власти в процессе генезиса гражданского общества в Российской империи. С другой стороны, специалисты в области истории российской государственности установили существенную специфику любых процессов, связанных с российской вертикалью власти, в зависимости от того, о каком из трех типов имперских регионов идет речь. Таким образом, чтобы добиться адекватного понимания процесса формирования в России гражданского общества во всей его сложности и многообразии, необходимо увязать данный процесс с конкретным типом территории, на которой он разворачивался. Только дифференцированный анализ способен дать глубокий научный результат. Предлагаемая далее исследовательская программа нацелена на изучение роли и места Власти в процессе генезиса гражданского общества в специфических условиях «внутренних периферий» Российской империи (на примере Оренбургского края).

Как уже было подчеркнуто выше, избранная для рассмотрения проблема актуальна не только в научно-познавательном, но и в обществен-

но-политическом плане. Актуальность ей придать процессы модернизации российского общества и государства в конце XX-начале XXI в. Коренное изменение государственного и общественного строя Российской Федерации, стремление ее руководства стимулировать процесс развития гражданского общества в стране вызвали закономерный интерес к не востребовавшему ранее дореволюционному отечественному опыту взаимодействия Власти и Общества. Особенно привлекает внимание пореформенный период отечественной истории (2-я половина XIX-начало XX в.), поскольку многие существенные процессы современной российской жизни имеют в нем вполне очевидные аналогии.

Территориальными рамками исследования избраны границы Оренбургского края. В современной науке общепризнано, что данный макро-регион с середины XIX века, после утраты своего пограничного положения, являлся типичной внутренней периферией империи.

Территория Оренбургского края сформировалась в XVIII веке как юго-восточная пограничная окраина империи. С начала 1850-х гг., после активизации процесса присоединения Средней Азии к России, регион постепенно утрачивает свой пограничный характер. В связи с этим в 1851 г. из военного губернаторства было сформировано Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство, состоявшее из двух гражданских губерний, Оренбургской (которая позже, с 1865 г. стала Оренбургской и Уфимской) и Самарской, двух казачьих территорий Оренбургского и Уральского войск и территории Башкиро-Мещерякского войска, территории Внутренней Орды и области Оренбургских киргиз (населенной в основном казаками Младшего Жуза). Эта сложная структура являлась отражением социокультурной и управленческой специфики внутренней периферии под названием Оренбургский край. После ликвидации Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 г. все указанные территории, не утратив внутривнутрипериферийного статуса, продолжили развиваться уже без жесткого участия единого координационного центра в Оренбурге, хотя в нем продолжало базироваться руководство межрегионального учебного и епархиального округов, что поддерживало единство данной «внутренней периферии». Исторический контекст эпохи 2-й половины XIX-начала XX в. применительно к Оренбургскому краю заключался в нереализованности на его территории целого ряда преобразований, с успехом прошедших на остальной территории Урало-Поволжья (управленческая специфика региона была вызвана политическим решением правительства о консервации ее социокультурных особенностей).

Избранные территориальные рамки, на наш взгляд, являются оптимальными для рассмотрения истории формирования гражданского общества в российской провинции и роли Власти в нем, поскольку позволяют сочетать в исследовании макро- и микроанализ. Сошлемся здесь на крупного историка и теоретика исторической науки Л. Хефнера, по мнению которого, с точки зрения изучения процессов становления и развития гражданского общества, «особенно перспективным представляется исследование в обозримых региональных рамках ...», поскольку «такая территориально ограниченная аналитическая модель в конечном счете способна дать более материала для построения макромоделей», ведь в «территориальных образованиях существовали феномены, которые ввиду отсутствия межрегиональных форм и сетей коммуникации не были представлены в национальном масштабе или присутствовали только в рудиментарном виде»⁴.

Хронологические рамки исследования считаем необходимым ограничить периодом с 1851 до 1905 г. Нижняя граница связана с преобразованием Оренбургского военного губернаторства в Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство, что было формальным началом процесса смены статуса Оренбургского края с окраинного на внутривнутрипериферийный. Верхняя граница связана с началом Первой русской революции и серьезной модификацией законодательства и правоприменительной практики по отношению к частным и общественным инициативам, формирующимся институтам гражданского общества. Верхняя рамка исследования ограничена январем 1905 г., дабы отделить долгосрочные тенденции процесса взаимодействия Власти и Общества от тех тенденций, которые были вызваны к жизни исключительными обстоятельствами революционной эпохи.

Основную часть избранного для исследования периода можно обозначить как эпоху нового, достаточно автономного этапа российской модернизации – пореформенной модернизации российского общества и государства, исходным пунктом которой в России стала отмена крепостного права в 1861 году. Эта эпоха в современной науке оценивается как «перелом, который в ходе реформирования и индустриализации принес с собой эрозию сословного государства, ...привел к социальной дифференциации, урбанизации, профессионализации, возникновению общественности, плюрализма и в связи с этим соперничающих ценностных систем, ...может быть обозначен как процесс модернизации, породивший модель деятельности гражданского общества»⁵. Все вышесказанное позволяет обо-

снова исследовательский интерес именно к данному периоду, когда реформы дали значительный толчок развитию гражданской инициативы, актуализировали ее.

Итак, цель предлагаемого исследования можно сформулировать как определение места и роли региональной вертикали власти в генезисе гражданского общества на территории «внутренней периферии» Российской империи (на материалах Оренбургского края, 1851-1905 гг.).

Достижение поставленной цели требует, на наш взгляд, решения следующего комплекса задач:

1. Изучение правовой основы взаимодействия региональных властей и общественности. Решение этой задачи подразумевает, во-первых, выяснение формально-юридических возможностей влияния вертикали власти на процесс формулирования и реализации общественных инициатив; во-вторых, установление специфических правовых возможностей в этой области, присущих именно властям Оренбургского края. В совокупности это позволит дать обоснованную оценку того, насколько благоприятными для вмешательства и регулирования процесса формирования гражданских институтов были формально-юридические условия функционирования региональной администрации в исследуемый период.

2. Изучение реакции оренбургской региональной администрации на общественную инициативу. Решение этой задачи подразумевает поиск ответов на вопросы: Кто принимал ответственные управленческие решения относительно тех или иных общественных инициатив? На основании чего они принимались? С кем они согласовывались на этапе формулирования? Кто был ответственен за их реализацию? Как проходил процесс корректировки уже принятых решений? Сколь определяющим с точки зрения эффективности реализуемых механизмов власти был т.н. «личный стиль» управления, присущий конкретным руководителям региона? Насколько адекватно были информированы местные администраторы о масштабах и направленности общественных инициатив? Имел ли место и в каком масштабе процесс стимуляции общественной инициативы региональной администрацией и ее отдельными представителями? Ответы на эту совокупность вопросов позволят доказательно оценить реальную направленность и границы влияния Власти на процесс формирования гражданских институтов в регионе.

3. Изучение сходства и различий в подходах к решению вопросов, касающихся общественной инициативы, между основными элементами властной вертикали Оренбургского края: высшей региональной военной властью, военными властями казачьих и «инородческих» администра-

тивно-территориальных образований края, гражданской властью губернского и уездного уровней, администрацией низовых органов власти и управления. В совокупности это позволит установить, во-первых, в какой степени представители властной вертикали были не просто трансляторами столичных директив, но могли играть активную, относительно самостоятельную роль в имперской политике в отношении формирующегося гражданского общества; во-вторых, степень единства вертикали власти на «внутренней периферии» империи в отношении процесса генезиса гражданского общества.

4. Изучение механизмов влияния представителей общественности на решения, принимаемые оренбургской региональной администрацией. Решение этой задачи подразумевает поиск ответов на вопросы: Каковы были типичные реакции представителей общественных структур на принимаемые региональными властями в отношении их инициатив решения? Насколько различались возможности разных сегментов формирующегося гражданского общества (просветительские и благотворительные организации, научные и спортивные общества, клубы по интересам, средства массовой информации, религиозные организации, органы самоуправления и др.) в отстаивании выдвигаемых ими инициатив? Имела ли место и насколько масштабной была практика привлечения представителей местного чиновничества для участия в работе общественных организаций разного типа? В совокупности это позволит дать обоснованную оценку того, какова была степень зависимости принимаемых региональной администрацией управленческих решений от пожеланий представителей общественности.

5. Изучение разницы в подходах региональной администрации к инициативам частных лиц, общественных организаций и органов самоуправления Оренбургского края. Это позволит установить, на какие формы и элементы гражданского общества Власть пробовала опираться при решении задач модернизации региона.

6. Изучение особенностей процесса взаимодействия региональной власти всех уровней с частными лицами, общественностью и органами местного самоуправления в районах компактного проживания населения, официально имевшего особый статус в империи (казаков, «инородцев» и т.д.). Это позволит установить, на какие формы и элементы гражданского общества Власть пробовала опираться при решении задач освоения «внутренней периферии» и сближения ее с ядром империи.

7. Изучение проектов реформирования местного управления, выработанных в исследуемый период в центре и непосредственно в регионе,

для вычленения предлагаемых новаций в сфере взаимодействия власти и общества. Это позволит выяснить позицию Власти в отношении того, в каком направлении и каким способом должна была бы быть реализована роль Власти в процессе генезиса гражданского общества на «внутренней периферии» Российской империи.

Поставленные задачи охватывают все этапы комплексного исследования места и роли региональной вертикали власти в генезисе гражданского общества на территории «внутренней периферии» России в середине XIX-начале XX в. Сформулированные задачи сознательно выстроены таким образом, что позволяют поместить региональный материал в общероссийский контекст и создают возможность выйти через региональный материал на общероссийские выводы и обобщения в сфере истории генезиса гражданского общества в условиях империи.

Основная идея исследовательской программы заключается в том, чтобы проанализировать процесс генезиса гражданского общества в дореволюционной России с учетом закономерностей и особенностей, присущих ей как империи, а ее госаппарату – как регионально-ориентированной управленческой системе.

Базовым теоретико-методологическим понятием исследования является «гражданское общество» – «форма легальной, чаще всего ограниченной по целям и времени деятельности, спонтанной коллективной самоорганизации граждан», основанной на гражданской инициативе (Дж. Бредли). Под «гражданской инициативой» в проекте понимается инициатива тех субъектов общества, которые не были включены при формулировании своих инициатив в систему принятия политических решений. Долгое время в отечественной историографии господствовала традиция, согласно которой житель Российской империи как самодержавного государства обозначался исключительно термином «подданный», а не «гражданин». Этот формально-юридический подход сегодня все больше утрачивает свои позиции в связи с развитием теории модернизации и гражданского общества, так как согласно последней гражданское общество создают именно граждане. С этой точки зрения в той мере, в какой в монархических государствах XIX-XX вв. формировалось гражданское общество, в точно такой же степени их подданные одновременно являлись и гражданами. В новейших исторических трудах термины «граждане» и «гражданская деятельность», «гражданская идентичность» применяются к российской действительности середины XIX – начала XX вв.⁶

Понятие «гражданская инициатива» используется в узком смысле, в качестве субъекта граж-

данской инициативы не рассматриваются политические объединения в силу большой специфики деятельности последних. На наш взгляд, инициативы политических сил логичнее рассматривать вкупе с государственными инициативами, поскольку в конечном счете их объединяет ключевая целевая установка – борьба за власть и за ее удержание. Инициативы этих сил в любой сфере жизнедеятельности подчинены именно этой задаче. Вместе с тем мы отказались от использования понятия «неполитическая гражданская инициатива», поскольку понимаем, что каждому явлению, действию и процессу присущ не только управляемый, но и неуправляемый контекст. И если «управляемый контекст» гражданской инициативы может являться совершенно неполитическим, то в ее «неуправляемом контексте» политическая составляющая будет присутствовать обязательно: по крайней мере, политические силы общества такой контекст обязательно увидят. В этом и состоит коренное отличие гражданской инициативы от политической инициативы: целевая установка и «управляемый контекст» у первой не являются политическими, а у второй – обязательно являются.

Исследовательская программа предполагает проработку теоретических основ применения регионально-управленческого подхода к истории гражданского общества в дореволюционной России. Подход основан на тезисе о том, что длительная устойчивость Российской империи объяснима именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия управленческих форм, асимметричности и разнопорядковости связей различных народов и территориальных образований. Это накладывало существенный отпечаток на все модернизационные процессы в империи, придавало им региональную специфику, выразившуюся по-разному во «внутренних губерниях», на «внутренней периферии» и на окраинах. Подход был апробирован в ходе проведения международной дискуссии по истории местного управления пореформенной России, проведенной под эгидой РАН, Поволжского филиала ИРИ РАН⁷, и результаты апробации таковы, что позволяют предполагать плодотворность применения названного подхода к изучению места и роли Власти в процессе генезиса гражданского общества на «внутренней периферии» империи.

Исследовательская программа предполагает выяснение набора основных «тем», которые наиболее часто становились предметом совместного обсуждения и взаимодействия региональной власти и представителей общественности в Оренбургском крае в середине XIX-начале XX в. Особое внимание будет уделено периодам обо-

стрения каких-либо региональных проблем, способствующих данному взаимодействию за счет усиления заинтересованности той и другой стороны в решении вопроса. Таковыми периодами для Оренбургского края являлись, например, голодные годы (в том числе знаменитый голод 1891-1892 гг., который, по мнению профессора Р. Роббинса, стал переломным моментом в отношениях власти и общества в Российской империи), годы подготовки и проведения важных реформ (подготовка и отмена крепостного права, реформирование городского самоуправления, отмена кантонной системы управления, перевод оренбургских казаков под юрисдикцию гражданского губернатора, реформа пенитенциарной системы, создание на территории края нового учебного округа и т.п.).

Проект предполагает дифференцированный анализ механизмов такого взаимодействия по трем критериям.

Во-первых, дифференциация в зависимости от структуры региональной вертикали власти: военная и гражданская власть; генерал-губернаторские, губернские, уездные и нижестоящие органы управления; органы управления казаками, «инородцами», мусульманами. Так можно установить степень единства региональной вертикали власти в ее отношении к гражданским инициативам, выявить разницу в политике основных элементов госаппарата по отношению к процессу взаимодействия с формирующимися институтами гражданского общества. Также будет установлена степень влияния тех или иных органов управления Оренбургским краем на процесс генезиса гражданского общества в регионе и выяснено, в каких направлениях власти считали нужным ограничивать общественную инициативу, а в каких – поощрять.

Во-вторых, дифференциация в зависимости от субъекта гражданской инициативы (элемента гражданского общества) – частные лица, общественные организации или органы местного самоуправления (городского, сословного, «инородческого»). В основу этой классификации положена гипотеза о том, что отношение региональных властей к выдвигаемым гражданским инициативам во многом зависело от того, кто ее выдвигал. Если гипотеза подтвердится, то можно будет выяснить, на какие именно элементы формирующегося гражданского общества региональная власть предполагала опереться, а какие старалась исключить из процесса генезиса гражданского общества в Оренбургском крае.

В-третьих, дифференциация в зависимости от содержания («тематической» направленности) гражданских инициатив. Так, специалисты в сфере изучения истории гражданского обще-

ства выработали подход, согласно которому особое внимание следует уделять инициативам в области просвещения. Дело в том, что наиболее «чистым», наиболее ярким показателем формирования и развития гражданского общества являются те негосударственные инициативы, которые «оставались в стороне от ... заработка на жизнь», не имели бизнес-контекста. Не связанные с получением прибыли, они позволяют отчетливее всего судить о процессах формирования и развития гражданского общества. Изучение реакции региональных властей на инициативы такого рода позволяет установить отношение Власти к процессу развития «гражданственности» в целом.

На основании совокупного анализа вышеизложенного станет возможным выделить основные этапы взаимодействия региональной вертикали власти с формирующимися на территории Оренбургского края институтами гражданского общества.

Существует методологическая необходимость дополнить складывающуюся картину изучением и другой, не менее важной ипостаси Власти: не как репрессивного аппарата (противостоящего либо сотрудничающего с Обществом), а как специфической социальной корпорации, реагирующей на протекающие в обществе модернизационные процессы, на гражданские инициативы исходя из своих групповых интересов. Длительное время в советской исторической науке государственные служащие рассматривались в конечном счете только как выразители интересов какого-либо из классов общества. Однако в России существовала и иная традиция. Многие ведущие дореволюционные отечественные специалисты-государствоведы считали, что чиновничество можно и нужно рассматривать как самостоятельную и автономную социальную группу со своими специфическими интересами, отличными от интересов тех, кто уполномочил ее осуществлять управление⁸. Такой подход способен существенно расширить понимание причин того или иного отношения региональной вертикали власти к процессу генезиса гражданского общества на территории Оренбургского края.

Важной частью исследовательской программы является установление того, насколько столичная и региональная власть увязывали процесс формирования гражданского общества на территории Оренбургского края с процессом реализации имперской «миссии» по расширению «ядра» государства за счет «внутренних окраин», а последних – за счет классических окраин. Механизм этой внутренней реструктуризации Российской империи, длящейся десятилетиями, включал в себя социально-экономические и этноконфессиональные мероприятия (организацию переселен-

ческого движения, миссионерской деятельности и т.д.), а также комплекс управленческих решений (изменение административно-территориального устройства, распространение системы местного управления внутренних губерний, то есть имперского стандарта на прилегающие территории внутренних периферий). Анализ различных проектов реформ на территории Оренбургского края, предложений и аналитических записок руководства макрорегиона, направленных в Центр, должен позволить установить, считала ли Власть либо ее отдельные структуры активизацию процесса формирования гражданского общества в исследуемый период препятствием на пути реализации этой «имперской миссии», либо опиралась на этот процесс в целях более успешного решения данной задачи.

Как уже было показано выше, необходимость исследования роли и места региональной вертикали власти в генезисе гражданского общества на территории Оренбургского края диктуется объективными условиями развития исторической науки, накопленными знаниями в контексте развития целого ряда научных направлений. Важно и то, что проектируемое исследование обеспечено наличием не только необходимого, но и достаточного для решения поставленных задач комплекса исторических источников, сосредоточенных в основной своей массе в региональных архивохранилищах Оренбурга, Уфы, Казахстана.

На наш взгляд, реализация обоснованной в данной статье исследовательской программы позволит добиться приращения нового знания по комплексным научным проблемам истории

модернизационного процесса в России, истории генезиса гражданского общества и эволюции государственности в Российской империи, а также окажет влияние на развитие тех научных направлений, в чьи интересы входит реконструкция и углубление понимания механизмов взаимодействия власти и общества в дореволюционной России (социальная история, новая имперская история, направление по изучению эффективности местного управления России).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под генезисом понимается процесс зарождения и последующего развития, приведший к определенному состоянию.
- ² Modernization and Revolutions. Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia / Ed. by E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. New York, 1992. P.10-11.
- ³ Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. №5. С.77-78.
- ⁴ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века. М., 2007. С.50-51.
- ⁵ Россия в XVII-начале XX вв.: региональные аспекты модернизации / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2006. С.21-22.
- ⁶ См., напр.: Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века. М., 2007.
- ⁷ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург-Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 496 с.
- ⁸ См., напр.: *Ивановский В.В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. Кн.7. С.1-23.

POWER AND THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN THE TERRITORY OF «THE INSIDE PERIPHERY» OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE RESEARCH PROGRAM)

© 2011 S.V. Lyubichankovsky

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The assessment of the role the state power played in the genesis of civil society in the Russian empire is a complex scientific problem. In this article it is analyzed with regard to specific features of functioning of regionally-oriented authorities as well as social-cultural characteristics of Russia's «inside periphery». The author substantiates the necessity to pay special attention to Orenburg region 1851-1905. Realization of this research project will contribute to better understanding of the genesis of civil society in the pre-revolutionary Russia.

Key words: regional government, civil society, «inside periphery», empire.